

вые вопросы. После прочтения работы возникает уверенность в том, что следует ожидать новой, такой же по масштабу, работы тех же авторов, посвященной рассмотрению ряда оставшихся существенных аспектов истории сословного строя в России. Одна из тем будущего труда – проблема «взаимоналожения» статуса различных сословий в правовом положении некоторых групп населения. Так, например, неединичным явлением были дворяне, записавшиеся в гильдейское купечество. Для гильдейского еврейского купечества сохранялись многие ограничения в правах дискриминированных (по конфессиональному признаку) «западных инородцев» и т.д. Требуется освещения и история тех сословий, которые в предисловии к работе названы «второстепенными». Ведь основная задача, как представляется после прочтения двух монографий, заключается не в рассмотрении истории отдельных сословий, а в анализе социального строя в России как целостной системы. Целесообразно поэтому в дальнейшем включить в системный анализ, произведенный авторами, материал о сословиях горных мастеровых, колонистов, военных поселенцев и проч. Особенности положения служилых военных сословий, приписанных не к «состояниям», а к военному ведомству, позволят уточнить другие особенности российской социальной структуры. Исследование правового положения сословия войсковых казаков (результаты которого приведены в тексте) выиграет в случае его дополнения выяснением статуса такого, например, «военного сословия», как Башкиро-мещеряцкое войско.

Рецензируемая книга, как и предыдущая работа из данной серии, представляет собой значительное историографическое явление. И,

конечно, как и в любом труде такого масштаба, неизбежны некоторые фактические неточности. Например, в основу Указа об укреплении основ веротерпимости 17 апреля 1905 г. были положены не ходатайства, принятые на первых трех Всероссийских съездах старообрядцев (почему-то называемых в тексте раскольниками) 1900–1902 гг., а специальный доклад V съезда 1904 г., представленный староверами С.Ю. Витте³. Однако подобные мелочи не снижают значения нового интересного труда, дающего ответы на многие дискуссионные вопросы отечественной истории XIX – начала XX в. Кроме того, следует особо отметить, что, несмотря на сложность анализируемых проблем и используемого материала, монография написана очень ясным точным языком и может быть рекомендована студентам исторических факультетов в России и странах постсоветского пространства.

**В.В. Керов, доктор исторических наук
(Российский университет дружбы народов)**

Примечания

¹ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.

² Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999; Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII в.: исследования и очерки. М., 2004. О зарубежной историографии см.: Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.

³ См.: Мельников Ф.Е. Краткая история древле-православной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 394–397, 417–426.

О.Ю. Елина. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII – 20-е годы XX в. В 2 т. М.: Эгмонт-Россия, 2008. Т. 1. 479 с.; Т. 2. 487 с.

Монография Ольги Юрьевны Елиной – оригинальное научное исследование, которое на новом материале освещает вечную проблему российской истории – более чем двухвековую модернизацию аграрного сектора российской экономики. Автор анализирует ее побудительные мотивы, движущие силы, источники и результаты. Ход модернизации и рационализации сельского хозяйства рассмотрен на конкретном примере опытных сельскохозяйственных (агрономических) учреждений, связанных с растениеводством. Хронологические рамки работы определяются следующими соображениями. На рубеже XVII–XVIII вв.

в России были сделаны первые шаги в проведении агрономических исследований и организации опытных учреждений. Ранними их формами оказались так называемые аптекарские огороды. В 1920-х гг. опытное дело развивалось под патронажем правительства в традициях программы государственного строительства системы опытных учреждений, заложенных на рубеже XIX–XX вв.

Изучение опытных учреждений выводит автора на проблемы становления и развития агрономических знаний, институционализации агрономической науки в Российской империи и Советской России, на анализ государствен-

ной аграрной политики, развития частной и общественной инициативы в этой сфере. Перед нами – основательное историческое исследование, находящееся на стыке нескольких областей исторического знания – аграрной истории, социальной истории, истории культуры, истории науки и техники. Елина рассматривает историю опытных учреждений комплексно. Не ограничиваясь характеристикой их деятельности, она показывает условия и предпосылки их зарождения, характеризует усилия общественных организаций, органов власти и местного самоуправления в области консолидации агрономического сообщества России. Достоинство работы, которое особенно следует отметить – язык, которым она написана – академичный и одновременно яркий и литературный.

Важными элементами исследования представляются проведенная типологизация сельскохозяйственных опытных учреждений России и составление их полного перечня (по губерниям) с краткими характеристиками (т. 2, приложения 1–2). По подсчетам Елиной, к 1917 г. в Российской империи функционировало 391 опытное учреждение: ботанические сады, опытные поля и станции, показательные хозяйства, контрольные станции (для исследования семян и удобрений), сельскохозяйственные лаборатории (химические, бактериологические), институты и др. Для периода 1920-х гг. приведено количество опытных станций, где проводились селекционные исследования – 102 (т. 2, приложение 3); общее же число опытных учреждений в это время было немногим больше – 109. Интерес представляет и разработанная Елиной периодизация истории опытных учреждений царской и советской России (т. 1, с. 38–39; т. 2, приложения).

Работа основана на материалах 10 архивов, в число которых входят крупнейшие исторические архивы Российской Федерации, региональные архивы, а также Национальный архив США. Многие виды источников (делопроизводственные документы, материалы официальной статистики и частного происхождения, нормативно-правовые акты и др.) введены в научный оборот впервые. По систематизации источников, однако, имеется одно замечание: специально не поясняя свою позицию, Елина относит к фондам общественных организаций материалы как собственно обществ, так и земских учреждений (фонды земских управ Харьковской, Екатеринославской и иных губерний), а также документы Земского отдела Министерства внутренних дел. Если правовая природа земских учреждений – тема в российской историографии дискуссионная, то с полной определенностью можно сказать, что Земский отдел МВД являлся органом государственным, и он никак не может быть приписан к общественным организациям.

Структурируя работу, Елина использовала 2 принципа – проблемный и хронологический. В первом разделе работы – ««Садовая наука» – предтеча опытной агрономии» – автор анализирует частные инициативы в области сельского хозяйства, связанные с разведением садов. Раздел открывается вводной частью, озаглавленной ««Сады монахов и монархов»». Зарождение садовых экспериментов (XVII – первая треть XVIII в.), где рассмотрена предыстория вопроса – ранние опыты с растениями в монастырских и царских садах. Логичным моментом исследования представляется включение периода аграрных преобразований Алексея Михайловича в число факторов модернизации сельского хозяйства России, традиционно отсчитываемой от петровского времени.

Тему «высочайшего патронажа» садоводства продолжает вторая часть раздела, которая охватывает также и инициативы российских помещиков (середина XVIII – начало XX в.). Данный период характеризуется автором как переходный и определяющий с точки зрения развития опытных агрономических учреждений. Именно тогда наблюдалось интенсивное обустройство российскими помещиками собственных ботанических садов по примеру императорских. Далее последовала организация опытов на усадебных полях, создание первых частных опытных станций. Отдельная страница истории развития агротехнической культуры данного периода – становление первых сельскохозяйственных обществ. Автор портретирует также облик «образцовых хозяев» как специфического социального слоя с его настроениями, менталитетом, уровнем образования. Характерной чертой пореформенной поры, как верно подмечает Елина, явился приход на землю помещика-специалиста, обладавшего университетским дипломом. Именно тогда завершилось формирование слоя культурных помещиков, для которых рациональное хозяйствование было неотъемлемой частью их жизни. На пореформенный период приходится также расцвет агрономической науки и образования. Исследовательница отмечает стратегическую и политическую составляющую садовой науки XVIII столетия: присоединение новых территорий (Сибири, Дальнего Востока, Новороссии) способствовало переходу от их механического включения в границы Российской империи к аграрно-техническому и культурно-научному освоению, интеграции окраин с имперским центром. Автор справедливо указывает, что в XIX столетии на смену монаршему патронажу в устройстве опытных садов приходит государственный. Резюмируя содержание второй части работы, Елина утверждает, что частная инициатива в области агротехники, которая заметно опережала государственную, стала двигателем агрономиче-

ского развития Российской империи в XIX в. Однако это утверждение представляется все же недостаточно обоснованным.

Второй раздел монографии посвящен становлению и развитию общественного вспомоществования агрономическим исследованиям, под которым Елина понимает действия на ниве агрономии общественных организаций и земских учреждений. По ее утверждению, действовавшие на местах общественные организации явились форпостами агрономического прогресса в провинции. Работая в тесном контакте с органами местного самоуправления, сельскохозяйственные общества создали большинство опытных учреждений империи, преуспели в публикации периодических изданий, проведении сельскохозяйственных съездов и выставок, оставив позади государственный сектор.

Общественные организации, связанные с сельским хозяйством, автор делит на научные, региональные сельскохозяйственные и агропромышленные. Также классифицируются и добровольные общества, однако большинство из них, как известно, были многофункциональными, поэтому подобная классификация выглядит несколько искусственной. К примеру, Вольное экономическое общество проводило работу в различных направлениях, содействуя одновременно прогрессу и науки, и просветительства, и народного хозяйства. Полифункциональность отличала также Московское общество сельского хозяйства. На мой взгляд, следует называть исследуемые организации сельскохозяйственными по преобладающему направлению их деятельности¹.

На материалах второго раздела базируется одно из ключевых умозаключений Елиной: на протяжении большей части исследуемого периода агрономическая наука, в отличие от других дисциплин, развивалась вне государственных институтов, благодаря частной и общественной поддержке. Автор отмечает, что выявленная в исследовании определяющая роль частной и общественной инициативы в области агрономии нарушает «традиционные представления о государстве как главном патроне науки в России», о модернизаторской активности центральной власти как ключевом факторе в научном развитии страны. Хотелось бы знать, кому принадлежит последнее утверждение? Ведь ситуация, существовавшая в агрономии, была характерна и для других отраслей научного знания, которые своим развитием были обязаны в большей мере частным лицам и научным обществам, нежели государству. Не к такому ли выводу пришел в свое время известный исследователь истории научных учреждений и организаций дореволюционной России А.Д. Степанский, указывая на исключительную роль общественности

в системе организации научной деятельности в России, где государственных научно-исследовательских учреждений было очень мало, а крупнейшее из них – Академия наук – располагала очень незначительными кадрами и средствами?² Ведущие научные кадры были сосредоточены в высших учебных заведениях, но в функции последних научные исследования официально не входили. Поэтому столь важными центрами отечественной науки оказались научные общества и съезды.

В третьем разделе «Государство и “сельскохозяйственное опытное дело”» автор анализирует процесс формирования государственной политики в области агрономии, происходивший в XIX – начале XX в. Елина указывает, что в этот период государство своими решительными действиями содействовало объединению агрономических сил в империи. Его усилия были нацелены на создание опытных станций, образовательных учреждений, а также на правовую регламентацию опытных учреждений. Первое в истории дореволюционной России «Положение об опытных учреждениях» было принято в 1901 г. В 1912 г. был утвержден Закон о государственной сети опытных учреждений. Таким образом, позитивное право зафиксировало, наконец, явление, возникшее более чем полтора века назад.

Думается, следует согласиться с автором: именно сбалансированные усилия, проявленные частными лицами, общественными организациями, органами местного самоуправления и государством в последнее дореволюционное десятилетие, породили успехи в области организации опытных учреждений в первое десятилетие существования советской власти. Данное заключение Елина делает на материалах глав 4 и 5 последнего раздела своей работы – «Большевики и агрономия: военное-эволюционное ускорение и успехи опытного дела в Советской России (1917–1923 гг.)» и «В преддверии “Великого перелома”. Реформа сельскохозяйственного опытного дела (1923–1925 гг.)».

**А.С. Туманова, доктор исторических наук,
доктор юридических наук
(Государственный университет – Высшая школа экономики)**

Примечания

¹ См. также классификацию общественных организаций, разработанную автором этой рецензии: Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 80–136.

² Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. М., 1982. С. 44.